ствия (в частности, употребление в этих добавлениях слова „узорочие“).

Взаимоотношение повестей о Николе Заразском со „Словом о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского“ и с повестью Нестора Искандера о взятии Царьграда требует внимательного исследования.

Сравнивая схожие между собой плачи Ингоря Ингоревича и вдовы Дмитрия Евдокии можно заметить в основном бóльшую первоначальность[1] плача Евдокии, к которой лучше подходят основные мотивы и образы плача, а иногда и грамматические формы (за исключением, впрочем, сравнения Евдокии с трубой „рать поведающей“). Однако с другой стороны, заключительная в цикле Николы похвала рязанских князей отличается явно большею логичностью и цельностью, чем рассеянные по разным местам те же образы в „Слове“. Наконец, отдельные сходные с повестями о Николе места имеются и в других частях „Слова“ (не только в плаче Евдокии, и не только в похвальной характеристике Дмитрия).

Ряд общих мест с повестями о Николе Заразском имеется и в повести Нестора-Искандера (в плаче цесаря, в описании приступа — „един бьяшесь с тысящею, а два с тьмою“, цесарь — „исполин силою“ и др.). Однако и здесь едва ли было бы правильным, как это предполагал акад. А. С. Орлов, усматривать простую зависимость повестей о Николе от повести Нестора-Искандера.[2] Само собой разумеется, что круг литературных связей повестей о Николе, установление которых необходимо для изучения „движения“ его текста, далеко не исчерпан вышеприведенными краткими замечаниями. В частности, оставляю за собой право высказаться в будущем и о такой существенной детали, как появление во втором виде основной редакции Б сцены торжественного погребения Евпатия и дополнения его имени мало употребительным в древней Руси отчеством „Львович“.

* * *

Предлагаемая разбивка текстов Повестей о Николе Заразском на редакции дополняет и развивает классификацию В. Л. Комаровича,[3]

---

[1] Так указано В. П. Адриановой-Перетц; ср. обратное мнение, впрочем не подтвержденное доказательствами: А. И. Соболевский. К Слову о полку Игореве. Изв. по русск. яз. и слов., 1929, т. II, кн. 1, стр. 181.

[2] В частности, акад. А. С. Орлов предлагал видеть заимствование в повести о Николе из повести Нестора-Искандера термина „санчакбей“. Отметим однако, что термин этот встречается только в одной из редакций третьей повести (в основной Б) и отражает не столько литературное влияние, сколько непосредственно-деловое употребление его в действительности (тюркск. зансак — знамя, флаг, санчакбей — военачальник). Кроме повести Нестора-Искандера, слово „санчакбей“ встречается и в других памятниках (см., напр., Степенная книга, ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, стр. 503).

[3] В. Л. Комарович. К литературной истории повести о Николе Зарайском. Труды Отдела древне-русской литературы Инст. лит. АН СССР, т. V, 1947.